

АННА МАЛЫШЕВА

АННА МАЛЫШЕВА

Отель «Толедо»

РОМАН

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М20

Любое использование материалов данной книги,
полностью или частично,
без разрешения правообладателя запрещается.

Оформление — Екатерина Климова

Малышева, Анна Витальевна.

М20 Отель «Толедо» : роман / Анна Малышева. —
Москва : Издательство АСТ, 2018. — 352 с. —
(Острожанетная проза Анны Малышевой).

ISBN 978-5-17-110923-3

Поддельная картина часто выглядит эффективнее подлинника. Фальшивые чувства бывают убедительнее настоящих. Александра умеет отличать оригиналы от подделок, но на этот раз ее ждет самая сложная задача — ведь нет ничего загадочнее собственного сердца...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Малышева А.В., 2016
ISBN 978-5-17-110923-3 © ООО «Издательство АСТ», 2018

Глава 1

Короткая стрелка настенных часов над барной стойкой отчетливо, с удовлетворением щелкнула, коснувшись цифры «пять». Александра повернула голову к огромному окну. Сквозь безлунную, долгую декабрьскую ночь уже просачивался рассвет. Черное небо над аэродромом засинело, огни наземных служб сделались тусклее, теряя интенсивность. Александра, щурясь, читала надписи на бортах самолетов, застывших на летном поле. В зале ожидания, ночью почти пустом, заметно прибавилось народа. Терминал Е аэропорта Шереметьево просыпался. Прошли, цокая каблуками, стюардессы в красной форме, катя чемоданчики. В кафе, где устроилась в ожидании вылета Александра, все чаще шумела кофемашинка. Слышался хруст перемалываемых зерен, все сильнее становился запах кофе. За соседним столиком дремали две юные японки, транзитные пассажирки, в тапочках, надувных воротниках и наглазных масках. Девушки склонили головы друг другу на плечо. Одна из них, разбуженная кофемашиной, встрепенулась, растолкала подругу («Может быть, сестру, — подумала Александра, — они похожи, как сестры!»), достала из сумки зубную щетку и отпра-

Анна Малышева

вилась в дамскую комнату. Другая, сдвинув на затылок маску, оторопело огляделась, встретила взгляд женщины за соседним столиком и улыбнулась ей. Александра улыбнулась в ответ, невольно чувствуя зависть к этой беспечной юности, храбро спешащей куда-то через весь мир, с несколькими пересадками, в тапочках и с забавным, увешанным брелоками-игрушками рюкзаком.

Оставив сумку на сиденье, женщина поднялась с диванчика и подошла к огромному окну, выходящему на летное поле. Неподалеку виднелся лайнер с буквами KLM на борту. «Мой, — подумала художница, взглянув на часы. — Так странно всегда видеть снаружи свой самолет! Не верится, что он взлетит... Что такая штука может летать!» Она летала часто и, уже сидя в салоне, никогда не испытывала страха, даже во время турбулентности. Но, глядя на самолет, в котором нужно было лететь в очередную командировку, Александра чувствовала тревогу.

Вернувшись за свой столик, она заказала еще одну чашку кофе, хотя за ночь его было выпито столько, что женщина ощущала сильное сердцебиение. Или это был страх перед тем, что ей предстояло осуществить — об этом думать не хотелось. Александра предпочитала не пугать сама себя и списывать свое взбудораженное состояние на слишком крепкий кофе, на бессонную ночь, на смутный страх перед полетом. О том, ради чего затевалась поездка, она старалась не думать.

Художница летела в Амстердам первым утренним рейсом, и летела не впервые. Она хорошо знала и всем сердцем любила этот город, пронизанный сетью каналов, его темные старые кварталы с накренившимися в разные стороны «танцующими дома-

Отель «Толедо»

ми», набережные, уставленные тысячами велосипедов... Солнечные кварталы «красных фонарей» рано утром, когда на улице можно встретить разве что мойщиков тротуаров, угрюмых, коренастых, с обветренными опухшими лицами, а окна и витрины, закрытые красными шторами и жалюзи, хранят самое невинное выражение. Великолепные музеи и богатейшие антикварные магазины, блошиный рынок на Ватерлооплейн и букинистические развалы на площади Спей, неподалеку от знаменитого цветочного рынка на сваях, чье отражение круглый год колеблется в черной воде канала. «И свет! — Александра закрыла глаза, слезящиеся от бессонницы. — Ни с чем не сравнимый влажный свет, в котором все видится одновременно мягко и отчетливо, так что жалеешь, что нет с собой мольберта и красок. Когда я впервые увидела этот свет, поняла, почему Нидерланды дали миру столько великих живописцев!»

Но сейчас ей совсем не хотелось ехать в Амстердам. Увы, повод для поездки был даже не столько печальный, сколько пугающий. Обычно Александра ехала за границу, чтобы отыскать вещи или картины для перепродажи в России, поучаствовать по чьему-то поручению в аукционе или выступить в качестве эксперта на сделке. На этот раз она ехала искать не картину, а человека, и это была ее собственная инициатива. Впервые за многие годы никто не оплачивал ее поездку. Художница ехала за свой счет, а денег у нее было катастрофически мало. Александра купила билет в одну сторону, так как не знала, когда вернется. Действующая шенгенская виза у нее была. Художница созвонилась с друзьями, живущими в Амстердаме, и с облегче-

Анна Малышева

нием узнала, что может остановиться у них. Эта семейная пара, также художники-реставраторы, выпускники питерской Репинки, как раз собирались уезжать на длительную работу в Италию и готовы были оставить ей ключи от квартиры. «Отель я бы уже не потянула, ведь нужно что-то есть да еще вернуться домой... — Александра открыла глаза, услышав, как стукнуло блюдце о столешницу. Ей принесли кофе. — Мне повезло, что есть где остановиться. Везло бы и дальше... Везение мне просто необходимо!»

Месяц назад художница случайно узнала, что бесследно исчезла ее старая добрая знакомая, с которой ее иногда связывали общие дела. Надежда была широко известна в кругах московских коллекционеров, и хотя своего салона у нее не было, количество и качество совершаемых ею сделок зачастую превосходило достижения более состоятельных коллег. У нее было исключительное чутье на вещи почти мистического свойства. Александра сама была свидетельницей того, как Надежда коршуном накинулась на картину, ни с первого, ни со второго взгляда ничего не стоившую. После незначительной расчистки обнаружилось, что картина принадлежит кисти одного из самых знаменитых русских живописцев девятнадцатого века. Продана она была за баснословную сумму. Надежда могла бы выручить за шедевр и больше, но другой ее отличительной чертой являлось то, что она не гналась за деньгами как таковыми. Успех был очень важен для нее, но торговаться из-за надбавки Надежда не стала бы, чем отличалась от большинства своих коллег.

— Пойми, — говорила она как-то Александре, с которой всегда была очень откровенна. — Деньги —

Отель «Толедо»

это хорошо, но это не главное. Я всегда прикидываю, конечно, сколько выручу, мне ведь нужно жить. Но куда важнее в сделке то, что я оказалась права... Это много значит для меня, понимаешь? Я готова потерять в деньгах, только бы не ошибиться.

— Ты просто страшно честолюбива! — смеялась Александра. Впрочем, она совсем так не думала. Честолюбие было тут ни при чем. Надежда дорожила сознанием, что наделена уникальным даром распознавать шедевры под личиной никчемной заурядности. Это и выделяло ее из общей толпы охотников за антиквариатом. — Скажи, тебе случалось когда-нибудь ошибаться? Знаешь, это совсем не так страшно...

— Никогда! — непримиримо отвечала Надежда, мотая головой, причем хвостики, которые она завязывала за ушами, как школьница, били ее по щекам. — Я ни разу еще не ошиблась, а если это случится, я все брошу к такой-то бабушке и уйду из профессии! У бывшего мужа багетная мастерская, он меня возьмет на работу!

В этих словах, несмотря на всю их категоричность, не было преувеличения. Надежда действительно славилась безошибочностью чутья и крайне болезненно воспринимала даже намек на то, что она может упустить никем не распознанный шедевр. Как все гении (а в своем роде она была гением), Надежда казалась несколько странной. Она три раза выходила замуж, но ни один ее брак не продержался и года. Со всеми бывшими мужьями у нее были прекрасные отношения. Вероятно, эти люди вполне земных профессий — инженер-строитель, детский врач-офтальмолог и последний муж, мастер по изготовлению багетов для картин, — чувствовали, что перед

Анна Малышева

ними не вполне обычное существо женского пола, и расставались с Надеждой без вражды. Детей у нее ни в одном браке не было, но с ней постоянно жила племянница, дочь старшей сестры, столь же неудачливой в браке. Старшой сестре девочка мешала, а Надежда приютила ее так же легко, как делала все на свете: выходила замуж, расставалась с мужьями, переезжала с квартиры на квартиру, совершила удачные сделки, изумлявшие всю антикварную Москву. Эта сорокалетняя женщина с девчачими русыми хвостиками и круглыми серыми глазами, хранившими наивное выражение, была словно не от мира сего. Как шутила сама Надежда, она напоминала внешне и по поведению персонажа японского мультика, одного из тех, которыми увлекалась ее племянница. И все же с Надеждой Пряхиной советовались солидные люди, ей доверяли сложнейшие сделки, ее приглашали выступить экспертом, когда возникал спор о подлинности и ценности того или иного лота на ближайшем аукционе. И она никогда не ошибалась.

— Кроме одного раза, вероятно...

Александра вздрогнула, осознав, что произнесла это вслух. Впрочем, ничьего внимания она не привлекла — кафе уже наполнилось посетителями. Это были пассажиры первых утренних рейсов, которые торопливо завтракали, готовясь разлететься во все концы света. Японки исчезли, вместо них появилась другая пара, муж с женой, которые довольно громко выясняли отношения. Мужчина был нетрезв, женщина, эффектная блондинка с дорогой сумкой и подкаченными губами, вытирала слезы, впрочем, осторожно, чтобы не размазать макияж. Длинноволосый парень с гитарой, дремавший всю ночь на диванчике

Отель «Толедо»

напротив того стола, где сидела Александра, растирал мятое покрасневшее лицо ладонями, стараясь прийти в себя. Со стороны зала ожидания появилась большая группа китайцев, которые всю ночь безмятежно проспали на диванчиках. Становилось шумно. Александра расплатилась за кофе, залпом осушила чашку и поднялась из-за стола. Уже объявили номер выхода, откуда должна была начаться посадка на рейс до Амстердама.

«Да, кроме одного раза... Последнего!» Выйдя в зал, Александра остановилась поодаль от нужного выхода. Она не торопилась занять место в очереди. Ручной клади у нее с собой не было, за исключением небольшой брезентовой сумки, которая сопровождала художницу везде и всегда. Беспокоиться, что не хватит места на полке для багажа, не стоило. Александра подошла к панорамному окну и окинула взглядом летное поле. Самолет компании KLM уже стоял у обозначенного выхода, соединенный с ним гофрированной трубой. Женщина зябко повела плечами, хотя в зале ожидания было тепло. Несмотря на свой страх перед посадкой в самолет, она все же предпочитала думать об этом, а не о том, как исчезла Надежда.

История этого исчезновения была очень простой и тем не менее очень странной. Месяц назад на мобильный телефон художницы поступил звонок с неизвестного номера. Александра всегда отвечала на такие звонки, зная, что ее номер могут передавать потенциальным клиентам.

В клиентах же она очень нуждалась как никогда. Особняк на Китай-городе, многие годы служивший ей приютом, ставили на капитальный ремонт и реставрацию через два месяца. Мастерскую предпи-

Анна Малышева

сыпалось освободить в самые кратчайшие сроки. Об этом Александре уведомили звонком из Союза художников, где особняк числился на балансе.

— Куда же я денусь? — спросила тогда художница, прекрасно, впрочем, сознавая, что вопрос не имеет смысла.

— Куда хотите! — последовал вполне ожидаемый ответ. — Вы и так занимали эту мастерскую двенадцать лет и платили копейки. А сейчас у нас и самые именитые авторы на самообеспечении...

Александра никогда не числила себя в именитых авторах, тем более что давно уже занималась не столько живописью, сколько реставрацией. Мастерская, расположенная в мансарде ветхого старинного особняка на Китай-городе, когда-то досталась ей по наследству от умершего супруга, художника довольно заметного, но безвозвратно погибшего и забытого еще при жизни. Первый этаж особняка, где провалились полы, хозяйничали крысы и клубился подвальный гнилостный пар, был давно заброшен. Второй и четвертый этажи опустели не так давно. На третьем до последнего времени обитал скульптор Стас, единственный сосед Александры. И хотя их разделял небитаемый четвертый этаж, художнице все же было спокойнее от осознания того, что внизу кто-то живет. И вот он уехал...

Расставание было тяжелым. Александра сама не ожидала, что за долгие годы так привязалась к этому неунывающему пропойце, высоченному кудрявому богатырю, бабнику и горлопану. Даже уродливый шрам, пересекавший лоб скульптора — свидетельство драки с чьим-то обманутым супругом, казался ей теперь родным. Стас с чувством обнял бледную, растерянную женщину:

ОТЕЛЬ «ТОЛЕДО»

— Сашка, не унывай! Ты тоже тут недолго задержишься! Знаешь ведь, моя музя ищет тебе мастерскую неподалеку от нас. Пушкино — это ведь не край света! Привыкнешь и там!

— Я привыкла бы везде, — печально отвечала женщина. Возможно, впервые ее не мутило от резкого запаха перегара, неизменно исходившего от соседа. — Дело не в привычке...

— Что касается денег, родная моя, помогу, чем сумею! — пообещал скульптор. — Сейчас, правда, заказов мало... Помирать меньше стали, что ли, или на памятниках экономят?

Стас, будучи очень неплохим скульптором, в периоды безработицы пробавлялся изготовлением бюстов покойников, по которым скорбели зажиточные родственники. Сам он это занятие искренне презирал прежде всего потому, что в силу известных обстоятельств не мог лепить с натуры.

— Делаю с фотографии, шаляй-валяй, а им хоть в лоб, хоть по лбу! — жаловался он, в очередной раз напившись. — Покойник, скажем, смахивал на Хрущева... Я им ваяю что-то вроде Брежнева. Нравится! Вдовы аж плачут! Ничего не понимают... Ничего!

И вот Стас уехал вместе со своей музой, престарелой нянькой и натурщицей, Марьей Семеновной, в Пушкино, где вездесущая старуха, имевшая родственников неподалеку, в Тарасовке, отыскала ему помещение под мастерскую и квартиру. Александра осталась в разрушающемся особняке совершенно одна.

Ее давно не пугало одинокое существование в огромной ветхой мансарде, хотя единственной защитой от возможного нападения извне была входная дверь, обитая ржавыми железными листами и снабженная

Анна Малышева

весьма условными старыми замками. Скрипты, шорохи и стуки, которыми полнился по ночам особняк, давно не волновали ее воображения. В призраков художница не верила, она боялась только людей. Стас со своей «музой» был ненадежной защитой, но все же он был. Теперь она в одиночестве противостояла темноте и страху. Но больше всего женщину пугало другое — как она переедет в несуществующую ее новую мастерскую со всем скарбом, накопившимся за годы? Груды книг, материалов для живописи и реставрации, весь вещественный хлам, которым так быстро и обильно обрастает творческий человек, — куда и, главное, на какие деньги все это перевозить и устраивать по-новому?

Она стучалась во всем двери, соглашалась даже на самую мелкую и невыгодную работу, несколько раз была вынуждена проглотить унизительные отказы и еще более унизительные рабочие предложения, на которые никогда прежде не пошла бы... И вот — неизвестный звонок, раздавшийся в ее мастерской однажды утром, в начале ноября, через несколько дней после отъезда Стаса.

— Могу я услышать Александру Корзухину? — осведомился мужской голос.

— Это я. — Александра поднялась из-за мольберта, на котором стоял готовый к реставрации натюрморт — незначительная работа незначительного художника середины двадцатого века.

— Мы незнакомы, — продолжал мужчина, забыв представиться. — Мне ваш телефон дала племянница Надежды Пряхиной. Вы ведь были знакомы с Надеждой?

— Были? — В желудке у Александры словно возник кусок льда. — Что случилось?!

Отель «Толедо»

— Вы, значит, ничего не знаете... — после короткой паузы ответил мужчина. — Она ведь пропала полгода назад. Никто понятия не имеет, где она сейчас.

Александра опустилась на стул, прижимая телефон к уху. У нее подкосились ноги. Она лихорадочно вспоминала, когда в последний раз видела старую знакомую. «Давно... Весной? Да, кажется, в марте. На аукционе. Мы почти не говорили, не было времени, только поздоровались и задали друг другу пару вопросов... Потом она один раз звонила, приглашала на экспертизу, но я не могла приехать...» В ее мысли врезался голос собеседника:

— Вы слышите меня? Так вот, я говорю, Надежда пропала, и мы беспокоимся. Думаем, не заявить ли в полицию.

— Простите, а вы кто? — опомнилась Александра. — И почему вы обращаетесь ко мне?

— Я муж ее старшей сестры, Анны, — ответил мужчина. — Меня зовут Сергей, извините, не представился сразу. Просто сейчас как-то не до церемоний.

— Сергей, простите за такой вопрос, — Александра окончательно пришла в себя, — но почему вы только сейчас решили обратиться в полицию, если человек пропал полгода назад?

В трубке послышался глухой смешок. Художнице очень хотелось бы думать, что собеседник просто откашлялся, но она не обманывалась — он явственно усмехнулся.

— Да ведь Надя — взрослый, самостоятельный человек, — ответил он. — И никогда нам не отчитывалась, чем занимается. О том, что она куда-то там едет, мы узнавали по тому, что она привозила нам на